

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЯ (ЧАСТЬ I)

В статье рассматривается профессиональная идентичность советского человека, на примере учителей, как социально-профессиональной группы. Какую роль играла профессиональная идентичность в СССР и какое место занимал учитель в одной из мощнейших сверхдержав прошлого века. Анализ и изучение трансформации категории «идентичности» в сознании простых граждан. Динамика образа от самой престижной профессии к самой непопулярной. Особенности политического давления на эту социальную группу, влияние партии на методы преподавания и образ жизни учителей и как этот диктат менялся в течение всего периода, а самое главное, как изменилось отношение учителей к этому явлению.

Ключевые слова: *идентичность, советский учитель, трансформация, СССР, повседневная жизнь.*

За последние годы вышло немало работ, посвященных идентичности. Это понятие весьма многогранно и имеет множество сторонников и противников. В целом, большинство исследователей по этой проблеме придерживаются мнения, что идентичность – это принадлежность к той или иной социальной категории. Идентичность делится на несколько видов: естественную – те, которые даны человеку от рождения и искусственную, формирующиеся под влиянием общества. Но, как известно, сейчас даже ряд естественных идентичностей, под влиянием человеческого вмешательства могут быть изменены, и женщина может стать мужчиной, если она так себя ощущает. В связи с этим у «идентичности» существует множество сторонников и противников. Критики считают, что эта тема «раздута», поскольку изучать то, что и так неизменно существует не актуально и что данное понятие является надуманным [см.: 1; 2; 3; 4, 5 и др.]. Сторонники же наоборот считают важными и актуальными подобные исследования, апеллируя к тому, что идентичность так или иначе контролирует поведение человека в обществе, а современное общество слишком сложно и многогранно, постоянно меняется и бросает множество вызовов человеку [6, 7, 8 др.]. Вместе с тем, исторический опыт и его уроки остаются малоизученными. В истории нашей страны существует множество примеров изменения идентичности и ее влияния на личность; этот опыт остается неисследованным и не задействованным.

Белова Наталья Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: natale4ka@inbox.ru.

РНФ № 15-18-00099П «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт», руководитель Е.И. Филиппова

Советский союз – это страна, с которой связана целая эпоха, и у части современных россиян она ассоциируется с определенным жизненным этапом. Последние опросы по идентичности показывают [9], что старшее поколение с ностальгией вспоминает это время и связывает свою жизнь именно с этим государством. У этого поколения россиян причастность к советскому периоду вызывает гордость. В связи с этим нам показалось интересным проанализировать идентичность советских граждан, а вернее такой важной социальной группы, как учителя, на примере одного региона – Костромского края. Оговоримся сразу, что понятие край мы используем намеренно, поскольку в начале советского государства существовала Костромская губерния, которая в 1929 году была расформирована и вошла в состав Ярославской, Ивановской, Нижегородской областей, а как самостоятельный субъект она была воссоздана лишь в 1944 г. Указом Президиума Верховного совета СССР [10: 43–44].

Изучение советской идентичности в данный период тема новая и практически не исследованная, поскольку изменения, происходившие за этот большой, с точки зрения времени, отрезок огромные: Революция, Гражданская война, НЭП, индустриализация, коллективизации, внедрение Всеобуча, годы Великой Отечественной войны, освоение космического пространства и многое другое, все это оказывало влияние на сознание советских граждан, их образ и внутренний мир, нравственные нормы и ценности; общественные изменения сказывались и на самих жителях СССР.

Учителя – это социально-профессиональная группа, занимающаяся в основном интеллектуальным трудом, направленным на подготовку и воспитание подрастающего поколения. Перед молодой властью Советской России после Революции 1917 г. и Гражданской войны остро встал, в первую очередь, кадровый вопрос в отношении учителей. За эти годы в результате Гражданской войны, интервенции, эмиграции за пределы бывшей Российской империи, погибло или покинуло страну немалое количество учителей, боявшихся преследований и гонений со стороны большевистской власти. По статистическим данным в Советской России в 1922 году насчитывалось 500 тысяч учителей. По данным Всесоюзной школьной переписи на 15 декабря 1927 года основная масса просвещенцев проживала в сельской местности (65,9%) и имело среднее образование (82,1%) [11: IX–X]. В Костромской губернии в 1917 году по данным отдела народного образования насчитывалось всего 1891 учителей. Из них в школах I ступени преподавало 1196, школах семилетках – 368, девятилетках – 327 преподавателей [12: 2]. В то время существовала двухуровневая система образования: школы I ступени по сути были школами начального обучения, а вот во II ступени уже преподавательский состав был более квалифицированным [13]. Главной характеристикой того времени было то, что квалификация учителей была достаточно низкой. Нам попадались такие заметки в газетах того времени как: «Учительница русского языка написала диктант и даже в слове “диктант” была допущена ошибка», «они (учителя – Н.Б.) являлись выпускниками различных педкурсов, также на учительскую работу брали и выпускников школ, не имевших педагогического образования и других лиц, никогда прежде в школах не преподававших [14].

В начале советского периода большинство учителей проживало в сельской местности. По архивным материалам и данным различных отчетов того времени доля сельских учителей достигала 65%. К концу советской власти кадровый состав учителей насчитывал уже почти 9 тыс. чел., причем практически все учителя имели высшее или среднее профессиональное образование, а 70% из них проживало в го-

родах и городских поселениях. Таким образом, как мы видим, учителя превратились из сельских жителей с низким уровнем образования в горожан с хорошей квалификацией, а отсюда трансформировался и стиль в одежде, и мышление, да и в целом их образ жизни. Теперь же хотелось бы более подробно остановиться на том, как происходила эта трансформация. Педагоги в СССР были не только носителями наний, но и проводниками коммунистической идеологии, на которых возлагалась ответственность за воспитание нового общества. Именно поэтому создание политически благонадежного учителя, опоры советской власти в школе, была одной из приоритетных задач правительства.

Вся идеологическая политика СССР с самого начала его существования была направлена на создание коммунистического учительства, с четким атеистическим и материалистическим мировоззрением. Православное христианство имело прочные корни, подавляющее большинство русских, белорусов и украинцев придерживались этой веры. В Костроме также прочные устои имела и другая ветвь православного христианства – старообрядческая община, этой веры придерживалось около 9% от общего числа местного населения. В 1925 году вышла директивная установка об активизации работы учителей по «безрелигиозному воспитанию». Учителя должны были более активно распространять материалистические взгляды среди населения путем организации уголков безбожников и массовых чтений докладов на антирелигиозные темы [15]. В виду вышеперечисленных фактов, характеризовать учительскую группу по профессиональному признаку практически невозможно, так как материалы архивов и других источников не классифицируют учителей по принадлежности к определенным конфессиям.

Прямых свидетельств о приверженности учителей к той или иной религии крайне мало. Однако, в постановлениях местных РОНО или приговорах народного суда встречаются случаи посещения отдельными учителями церкви, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда наблюдается заметный рост религиозного самосознания среди населения. Отдельные исследователи отмечают, что некоторые учителя даже водили детей в церковь на службу [16]. Местные РОНО продолжали активно бороться с подобными настроениями у учителей: сначала им делался строгий выговор, а при повторном нарушении учителя могли уволить [17].

Однако из проведенного нами эмпирического исследования и личных бесед с учителями можно сказать, что большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Тем не менее, на вопрос о совершении религиозных обрядов («крещение» детей и др.) все респонденты ответили утвердительно. Причем крестили своих детей всегда тайно, часто в соседних областях или на дому, чтобы местные органы власти не смогли проследить. Так, например, одна учительница русского языка и литературы: «Боясь гонений со стороны администрации школы, я сыновей и внучку крестила дома» [18]. Напряженность в религиозном вопросе сохранялась до 1988 года, когда в СССР произошла политическая и идеологическая либерализация.

Не избежали чистки и учителя в самые сложные годы советской жизни. Учитель Островского района Костромской области в 1930-е годы П.С. Варенцов вспоминает: «На преподавание истории в 1933 году к нам был прислан Дмитрий Николаевич Воробей, которых был в ссылке, как “троцкист”. Работал он добросовестно, обладая глубокими знаниями, но был репрессирован второй раз за “антисоветские высказывания”. Выступая на одной из учительских конференций, сказал, что не все дети у

нас могут хорошо учиться, тем более деревенские, которые многого не видят и не знают того, что знают городские дети. В этих словах кто-то увидел намек на классовое превосходство одних над другими и Д.Н. Воробей был репрессирован повторно. От профсоюза он получил очень хорошую характеристику и за это едва не «погорел» председатель профсоюза. Его вызвали в НКВД города Иваново, однако все обошлось на тот раз» [19: 34]. Большое внимание уделялось тому, чтобы среди учителей росло число членов партии, ведь именно на них должно было опираться советское правительство. Материалы обследования показали, что среди учителей был страх перед партией и ее политикой. Обвинения в антисоветской направленности были не всегда беспочвенными. Учительство находилось в крайне затруднительном материальном положении, а заработная плата в районах по-прежнему была в натуральных продуктах. С одной стороны, следовали директивные указания партии об общественной работе и проведении коллективизации. С другой – борьба и искоренение «кулаческих элементов» означало для учителей голод. Об этом свидетельствуют и воспоминания учителей: «Вследствие задержки заработной платы учительство вынуждено обращаться к зажиточной части деревни за покупкой продуктов в кредит» [20]. Активная поддержка и агитация за вступление в колхоз оборачивалось для учителей враждебностью со стороны зажиточных крестьян. «Учителям-общественникам бросают камни в окна, жгут учительский корм для скота, сараи, травят, преследуют, добиваются перевода, увольнений, расклеивают анонимки с призывом к убийству, покушаются, а иногда и убивают учителей» [20].

Акты Межевского отдела РОНО свидетельствуют о том, что проверки инспекторов выявляли иногда грубые нарушения со стороны учителей. Например, в Палкинской НСШ было выявлено применение физической силы по отношению к ученикам со стороны учительницы, инспектор сделал строгий выговор, объяснил права и обязанности учительнице, а соответствующий пример «зачитали» во всех школах района. Кроме того, учителям рекомендовали делать письменные конспекты уроков, при помощи которых инспектором разбирались и анализировались ошибки. Учителям рекомендовалось завести свой «дневник учителя», в который бы они заносили свои личные замечания, а ошибки учитывали в дальнейшей деятельности [21]. Причем подобная картина была характерна до конца советского периода и «за не здоровый уклон» в своих предложениях учителям, в лучшем случае, грозило увольнение.

Подтверждением отрицательного образа инспектора стал учительский фольклор. Вот наиболее яркие частушки 1920–1930-х годов.

Кому не лень, все нас ругают,
Мечут молнии на нас...

Чтоб вас судорогой свело,
ВИК, инспектор, УОНО... [22].

Как мы видим, контроль за учителями был очень сильным и жесткий. Любая провинность могла стать поводом для лишения премии, наград, а иногда и увольнения или в еще более плохих случаях учителя могли просто репрессировать. Все это сильно сказывалось на моральном самочувствии педагогов.

В советские годы учителя должны были обязательно участвовать в общественной работе, многие из них были лекторами, агитаторами, участвовали в избирательных кампаниях. Особенно тяжело было в начале формирования советской власти. Местное население было неграмотным, большинство не умело писать и читать, особен-

но низкий уровень грамотности был среди крестьянок и убедить родителей отдать девочку в школу, было зачастую невозможно: «Нам бы парней воспитать, а девке грамота во вред!» [18]. В деревнях тогда не то, чтобы радиоточек, но и газет было мало, да и пользы от последних было немного. Многим учителям приходилось после работы в две смены, ехать на лыжах в соседние деревни (3-4 км) и выступать с докладами на различные «просветительные» темы: «Революция и быт», «Суть религии и революции», «Почему нет Бога» и пр. [18]. Причем крестьян зачастую сгоняли на такие доклады, им также приходилось тратить личное время, которое было необходимо для ведения подсобного хозяйства, ведь до 1966 года крестьяне вынуждены были работать за трудодни в колхозах. Чтобы выручить хоть какие-то наличные деньги многие из них торговали в городе молоком, мясом и другими продуктами. На них покупали мыло, спички, керосин и ткань для пошива одежды [18]. Крестьяне от нужды приходили к учителям и брали в долг. Одна респондентка вспоминала, что у нее была специальная тетрабочка, где были записаны должники.

«Многие брали даже на лекарства в аптеке, а потом не могли отдать, потому что денег наличных было взять просто негде, но мы с мужем и не спрашивали» [18]. Таким образом, учитель в советское время – это ответственный и надежный работник партии, атеист, с четким коммунистическим мировоззрением. Вместе с тем, более подробный анализ и личные беседы с учителями, особенно старшего поколения, молодость которых проходила 1940-е годы, подтверждают иное. Никто из них особо не уделял внимание антирелигиозной пропаганде, с пониманием относился к отсутствию желания у крестьян слушать их доклады, да и в целом приходилось «быть лояльными». «А как иначе, если ты идешь к старообрядцам! Они все пережили... И уж если не причесывают детей в среду и пятницу, тут хоть что хочешь делай, но не будут... Приходилось только упрашивать, говорить, что накажут... А многих учителей уважали, не обижали, поскольку знали какво это, быть властью обиженным незаслуженно» [18]. В целом по воспоминаниям учителя не жаловались на свою дополнительную нагрузку, все это воспринималось как само собой разумеющееся. «Мы работали и не задумывались, что можно как-то иначе работать, без дополнительной общественной нагрузки. Тогда идеология была такая: все работали, все уставали, и никто не жаловался, потому что мы строили новое общество, лучшее для наших детей и внуков! А самое лучшее, что мы свято верили не в Бога, а в этот постулат!» [18]. Одним из примечательных профессиональных характеристик того времени – воспоминания, которые хранятся в Архиве Костромской области: «учителям часто приходилось выезжать в районы на перевыборы низовых профорганов во всякую погоду, по бездорожью, да еще в поисках транспорта (вьюжная дорога до Сусанино: 6 км бежали за санями, ехали еще 6 км, а потом снова бежали, ночевали в прокуренной чайной, где было ужасно холодно, чуть свет снова в путь), “да путь в 60 км был мучительным, но жаловаться нельзя нам, надо работать!”». Нагрузка была очень большой!» [15: 27].

Объем и уровень должностных обязанностей сохранялся до распада СССР, каждый учитель выполнял общественные поручения, которые были обязательными: ходили агитаторами по домам, общественное дежурство, организовывали предвыборную кампанию, «бегали по домам», зазывая на участки голосовать, организовывали лекции, доклады, сбор макулатуры, избы-читальни, показы кино. Снижение общественной нагрузки на учителей к 1980-м годам было вызвано ростом и разви-

тием комсомола и пионерии, партии и других общественных организаций, которые смогли взять на себя нагрузку учителей. В 1980-е годы по мере нарастания дефицитов, эти идеологические кампании все более приобретали декларативный характер и мало кого убеждали, да и сами учителя стали воспринимать их как обузу. Вместе с тем отношение к этим обязанностям было уже скорее скептическое, нежели, как в 1920-е годы воодушевленное. По комментариям учителей «нам просто деваться было некуда, иногда делали по инерции».

Педагогическая нагрузка тоже постепенно снижалась. Количество учеников в классах не превышало 45 чел., тогда как в 1920-е годы в одном классе могли уместиться 90 чел. Оснащение материалами и пособиями учителей в конце советского периода было хорошее. Каждый учитель получал все необходимые методические материалы, имел возможность выписывать дополнительную литературу и проходить курсы повышения квалификации, чего нельзя сказать о периоде до середины 1950-х годов. Учителя ютились в избах, писали на земле или снеге, самостоятельно изготавливали чернила, а о чистой бумаге и тетрадках приходилось лишь мечтать, писали на газетах между строчек.

Список источников и литературы

1. Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
3. Федотова Н. Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // *Знание. Понимание. Умение*, 2013. № 2. С. 52–62.
4. Коньков Д.С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // *Вестник Томского государственного университета*, 2016. № 409. С. 79–84. DOI: 10.17223/15617793/409/12. С. 79–84.
5. Давыдов Д. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // *Социологическое обозрение*, 2012. Т. 11. № 2. С. 131–142.
6. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // *Социологический журнал*, 2008. № 3. С. 46.
7. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 61.
8. Филиппова Е.И. *Территории и идентичности современной Франции*. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2010. 300 с.
9. *Полевые материалы автора. Опросы на тему «Идентичность» во Владимирской и Костромской областях 2018 года*. Кострома, Владимир, 2018.
10. *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. июль 1956 г.* / под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю. И. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
11. *Народное просвещение в РСФСР*. М.; Л., 1927. С. 25;
12. *Всероссийская школьная перепись 15 декабря 1927 года*. Т.1. Часть III. М., 1930.
13. *Просвещение в Костромской губернии. Краткий отчет Губернского отдела народного образования к X-й годовщине Октябрьской революции*. Кострома. 1927.
14. *Отчет губернского исполнительного комитета за 1923 год*. Кострома. 1924.
15. *Народное образование по основному обследованию 1920 г. (1920–1921 учебный год)*. М., 1922.
16. ГАКО. Ф. Р-550. Оп.1. Д. 23. Л. 25.
17. Малхасян Н.В. Кадровая политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // *Ярославский педагогический вестник*.

- Ярославль, 2010. № 3. С. 295–297.
18. ГАНИКО. Ф. 1006. Оп. 2. Д.4. Лл. 17-19.
 19. *Личный архив автора*. Кострома, 2011.
 20. Варенцов П.С. *Летопись островской средней школы*. Островское, Костромская область. 2009. Л. 34.
 21. *Народное просвещение*, 1929. № 8–9. С. 106.
 22. ГАНИКО. Ф. Р- 403. Оп. 2л. Д. 1. Л. 3.
 23. Лысяков П. Из груды учительских стихов // *Народный учитель*, 1927. №7–8.

References

1. Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. (In Russ.). [Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow: publishing house of Higher school of Economics, 2012].
2. Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'*. SPb.: Piter, 2008. (In Russ.). [Bauman Z. *liquid modernity*. Saint-Petersburg: Peter, 2008].
3. Fedotova N.N. Kontseptsii identichnosti v usloviakh nelineinoi sotsiokul'turnoi dinamiki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2013. No. 2. Pp. 52–62. Fedotova N.N. Concepts of identity in the conditions of nonlinear socio-cultural dynamics. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2013. No. 2. Pp. 52–62.
4. Konkov D.S. Nuzhna li identichnost' istorii: k kritike kontseptsii identichnosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016. No. 409. Pp. 79–84. DOI: 10.17223/15617793/409/12. (In Russ.). [Konkov D.S. Do you Need the identity of history: the criticism of the concept of identity. *Bulletin of the Tomsk state University*, 2016. No. 409. Pp. 79–84. DOI: 10.17223/15617793/409/12.].
5. Davydov D. Sotsial'naia identichnost': teoriia ratsional'nogo vybora kak al'ternativnyi podkhod k kontseptualizatsii. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2012. Vol. 11. No. 2. Pp. 131–142. (In Russ.). [Davydov D. Social identity: rational choice theory as an alternative approach to conceptualization. *Sociological review*, 2012. Vol. 11. No. 2. P. 131–142].
6. Simonova O.A. K formirovaniu sotsiologii identichnosti. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2008. No. 3. Pp. 46. (in Russ.). [Simonova O. to the formation of the sociology of identity. *Sociological journal*, 2008. No. 3. P. 46].
7. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie / Otv. red. I.S. Semenenko / IMEMO RAN*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017. Pp. 61. (In Russ.). [Identity: Personality, society, politics. *Encyclopedia*. I.S. Semenenko (ed.). Moscow: Publishing House «The Whole World», 2017].
8. Filippova E.I. *Territorii i identichnosti sovremennoi France*. Moscow: FGNU «Rosinformagrotekh», 2010. 300 p. [Filippova, E. I., *Territory and identity of modern France*. M: FGNU “Rosinformagrotekh”, 2010. 300 p.].
9. *Polevye materialy avtora. Oprosy na temu "Identichnost" vo Vladimirskoi i Kostromskoi oblastiakh 2018 goda*. Kostroma, Vladimir, 2018. (In Russ.). [Field materials of the author. Polls on «Identity» in the Vladimir and Kostroma regions in 2018. Kostroma, Vladimir, 2018].
10. *Sbornik zakonov USSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. iul' 1956 g.* Yu. I. Mandel'shtam (ed.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury, 1956. (In Russ.) [Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 July 1956. Y.I. Mandelstam (ed.). Moscow: State publishing house of legal literature, 1956].
11. *Narodnoe prosveshchenie v RSFSR*. Moscow; Leningrad, 1927. Pp. 25. (in Russ.) *Public education in the RSFSR*. Moscow; Leningrad, 1927. P. 25;
12. *Vsesoiuznaia shkol'naia perepis' 15 dekabria 1927 goda*. Moscow, 1930. Vol.1. Part III. (in Russ.). [All-Union school census December 15, 1927. Vol.1. Part III. Moscow, 1930].

13. *Prosveshchenie v Kostromskoi gubernii. Kratkii otchet Gubernskogo otdela narodnogo obrazovaniia k Kh-i godovshchine Oktiabr'skoi revoliutsii*. Kostroma, 1927. (In Russ.). [Education in the Kostroma province. A brief report of the Provincial Department of public education to the X-th anniversary of the October revolution. Kostroma, 1927].
14. *Otchet gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta za 1923 god*. Kostroma, 1924. (In Russ.). [Report of the provincial Executive Committee for 1923. Kostroma, 1924].
15. *Narodnoe obrazovanie po osnovnomu obsledovaniiu 1920 god (1920–1921 uchebnyi god)*. Moscow, 1922. (In Russ.). [National education on the basic inspection of 1920 (1920–1921 academic year). Moscow, 1922].
16. GAKO. P-550. Opis 1. Delo 23. List 25.
17. Malkhasian N.V. Kadrovaia politika sovetского pravitel'stva v oblasti narodnogo obrazovaniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Yaroslavl, 2010. No. 3. Pp. 295–297. (In Russ.). [Malkhasyan N. In. Personnel policy of the Soviet government in the field of public education during the great Patriotic war. *Yaroslavl pedagogical Bulletin*. Yaroslavl, 2010. No. 3. Pp. 295–297].
18. GANIKO. 1006. Opis. 2. Delo 4. List. 17-19.
19. *Lichnyi arkhiv avtora*. Kostroma, 2011. (In Russ.). *Personal archive of the author*. Kostroma, 2011.
20. Varentsov P.S. Letopis' ostrovskoi srednei shkoly. Ostrovskoe, Kostromskaia oblast'. 2009. L. 34. (Varentsov P.S. *Chronicle of Ostrovsky high school*. Ostrovsky, Kostroma region. 2009. L. 34.
21. *Narodnoe prosveshchenie*, 1929. No. 8–9. Pp. 106. (In Russ.). [Public education, 1929. No. 8–9. P. 106].
22. GANIKO. P - 403. Opis 2n. Delo 1. List 3.
23. Lysiakov P. Iz grudy uchitel'skikh. *Narodnyi uchitel'*, 1927. No. 7–8. (In Russ.). Lysyakov P. From a pile of teacher's poems. *People's teacher*, 1927. No. 7–8.

N.A. Belova. Professional identity of the Soviet teacher (part I)

The article deals with the professional identity of the Soviet man, on the example of teachers, as a socio-professional group. What is the role of professional identity in the Soviet Union and what has taken place the teacher in one of the most powerful superpowers of the last century. Analysis and study of category transformation "identity" in the minds of ordinary citizens. The dynamics of the image from the most prestigious profession to the most unpopular. Features of political pressure on this social group, the influence of the party on teaching methods and the way of life of teachers and how this dictate has changed throughout the period, and most importantly, how has the attitude of teachers to this phenomenon.

Key words: *identity, the Soviet teacher; the transformation of the Soviet Union, everyday life.*

© Ю.Н. Феденок, Д.А. Дронова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНВАЛИДНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ г. КАЗАНИ)

Статья основана на результатах эмпирического исследования, посвященного восприятию инвалидности современной молодежью. Среди студентов г. Казань было проведено анкетирование, которое показало, что на отношение к инвалидности как к биолого-социальному феномену влияют такие факторы как пол и возраст респондентов, личностный и социальный опыт, полученные в раннем возрасте, а также ряд психологических черт личности. Результаты исследования показали, что необходимо проводить целенаправленную социальную политику, включающую контакты с инвалидами (например, в культурных и досуговых учреждениях) в раннем возрасте. В дальнейшем это может служить, помимо воспитания толерантного отношения к «инаковости».

Ключевые слова: инвалидность, стереотипы о причинах инвалидности, помощь инвалидам, социально-психологическая дистанция, российские студенты.

Введение

Известно, что внешние параметры человеческого тела оказывают существенное влияние на наше восприятие окружающих, а склонность судить о людях по их внешнему виду глубоко укоренена в природе человека. Одного взгляда бывает достаточно, чтобы сложилось впечатление о человеке, о его характере, а формирование этого мнения настолько быстро и сильно, что человек не может повлиять на него [1]. При этом человек старается избегать контактов с посторонними и ощущает дискомфорт от общения с сильно отличающимися от него по своим внешним данным или поведению людьми [2].

Всемирная программа действий в отношении инвалидов, принятая резолюцией 37/52 03 декабря 1982 г. Всемирной организацией здравоохранения, определяет инвалидность как любое ограничение или отсутствие способности осуществлять ту или иную деятельность, таким образом, или в таких рамках, которые считаются нормальными для человека [3].

Словом «стигма» в древние и средние века обозначали клеймо раба или преступника, подчеркивающее их позор. В последние десятилетия понятие стигмы стало использоваться в медицине в тех случаях, когда хотят подчеркнуть последствия определенного диагноза, а также характерные особенности, связанные с этими последствиями, которые способствуют порождению в обществе предубеждения

Феденок Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: fedenok@list.ru;

Дронова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: dariadronova@yandex.ru